

*Этот портрет делала когда-то
Хотяинцева.*

Силуэт Чехова, сделанный А. Хотяинцевой. Надпись Чехова: «Этот портрет делала когда-то Хотяинцева». Библиотека СССР имени В. И. Ленина.

игравший англичанин, сидя за игорным столом с очень равнодушным лицом, изорвал в клочки свое портмоне, смял и скрутил металлический ободок и потом только, очень спокойно, пошел.

По вечерам очень часто приходил приятель Антона Павловича, доктор Вальтер, и мы втроем пили чай в комнате Чехова; в пансионе чай вечером не полагался, но мы по русской привычке не обходились без него. Вспоминали и говорили о России. Антон Павлович очень любил зиму, снег и скучал о них, как «сибирская лайка».

Впоследствии, когда ему пришлось устраивать свой сад в Ялте, где много вечнозеленых растений, он насадил деревья с опадающей листвой, чтобы «чувствовать весну». Он очень любил цветы. В Мелихове он разводил розы, гордился ими. Гостям-дачникам из соседнего имения (Васькина) он сам нарезал букеты. Но срезал «спелые» цветы, те, которые нужно было срезать по правилам садоводства, и «чеховские» розы иногда начинали осыпаться дордой, к большому огорчению дачниц, особенно одной, поклонницы Чехова, которую Антон Павлович прозвал «Аделаидой». Звали ее совсем иначе.

— Она похожа на Аделаиду, — говорил он.

Тут же около роз находился огород с любимыми «красненькими» (помидоры), и «сиенькими» (баклажаны), и другими овощами.

Раз я рисовала флигелек Антона Павловича с красным флажком на крыше, означавшим, что хозяин дома и соседи-крестьяне могут приходиться за советом. Хозяин, разговаривая со мной, прохаживался по дорожке за моей спиной, и неизменные его спутники — таксы «Царский вагон», или Бром, и «Рыжая королева», или Хина, — сопровождали его. Конечно рисовать, поднимаюсь, стоять не могу! Моя туфля-лодочка держалась только на носке, а в пяточку Антон Павлович успел всунуть луковичу! Трудно было даже предположить, что Чехов тяжело болен, так он был весел и жизнерадостен.

— И я и Левитан не ценили жизни, пока были совершенно здоровы, теперь только, когда мы оба серьезно заболели, мы поняли ее прелесть!

В то время, когда я была в Мелихове, Антон Павлович собирал для издания все свои рассказы, напечатанные в юмористических журналах. Его брат разбирал эти старые журналы и вслух читал рассказы. Чехов заливался смехом:

— Это мой рассказ? Совсем не помню! А смешно...

В ходу были всякие домашние словечки, забавные прибаутки. Антон Павлович поддразнивал меня и, если я попадалась, утешал:

— Говорить глупости — привилегия умных людей!

Себя называл Потемкиным:

— Когда я еду мимо церкви, всегда звонят, так было с Потемкиным.

Я усомнилась.

Дня через два, рано утром, мы поехали на станцию. Проезжаем через село, равняемся с церковью — зазвонили колокола.

— Слышите?! Что я вам говорил? — И тут же спросил — неожиданные вопросы были ему свойственны:

— А вы играли в моем «Медведе»? Нет? Очень приятно, а то почти каждая барышня начинает свое знакомство со мной: «А вы играли вашего «Медведя!»

Кроме Мелихова, общие воспоминания у нас были и о Богимове, где Чеховы провели лето и куда я попала через несколько лет после них. В гостиной с колоннами все так же еще стоял большой старинный диван карельской березы, на спинке его было написано братом Антона Павловича такое стихотворение:

На этом просторном диване,
От тяжких трудов опочив,
Валялся здесь Чехов в нирване,
Десяток листов истручив.
Здесь сил набирался писатель,
Мотивы и темы искал.
О, как же ты счастлив, читатель,
Что этот диван увидал!

В соседнем имении вокруг сада шла, совсем необычно, аллея из елок. Отсюда она попала в «Дом с мезонином».

* * *

Так в воспоминаниях о России проходило вечернее чаепитие у Антона Павловича в Ницце. Он норовил его затянуть, но доктор Вальтер не позволял ему поздно ложиться спать.

Приблизительно около десяти часов где-то по соседству кричал осел, и каждый раз, несмотря на то, что мы знали об этом, так громко и неожиданно, что Антон Павлович начинал смеяться. Ослиный крик стал считаться сигналом к окончанию нашей вечерней беседы. Доктор Вальтер и я желали Антону Павловичу покойной ночи и уходили. Помню одно исключение: встречу Нового 98 года — ровно в полночь.

Весной 98 года Антон Павлович приехал в Париж. Максим Максимович Ковалевский и я встретили его на вокзале. Приехал бодрый и веселый. Нашу небольшую компанию русских художниц раскритиковал:

— Живете, как на Ваганькове! Скучно, нельзя же все только работать, надо развлекаться, ходить по театрам. Непременно посмотрите в Фоли-Бержер новую пьесу, очень смешная, «Новая игра». — И несколько позже спросил: — Послушались, посмотрели смешную пьесу?

Чехов говорил, что «Кармен» — самая любимая его опера. Цирк он тоже очень любил. Осенью 98 года, перед отъездом из Москвы, он пригласил меня пойти в цирк с ним и Алексеем Сергеевичем Суворовым.

В цирке я скоро устала и захотела уйти одна, но мои спутники решили тоже уйти. Была чудесная звездная ночь, после жары и духоты в цирке дышалось легко. Я выразила свое удовольствие по этому поводу, и Антон Павлович сказал:

— Так легко, наверно, дышится человеку, который выходит из консистории, где он только что развелся!

ПЬЕСА БЕЗ НАЗВАНИЯ

Н. Гриченко репетирует роль Платонова. Фото М. Чернова.

Среди произведений А. П. Чехова есть одно, судьбы поистине удивительной.

В начале 20-х годов в Московском архиве разбирали старые документы Русско-Азовского общества. Совершенно неожиданно к ногам одного из работников архива упала толстая тетрадь, сшитая нитками. Аккуратный, еще неустойчивый почерк, на обложке нет ни имени автора, ни названия текста. Какая-то драма из жизни дворянской интеллигенции прошлого века...

После большой работы литературоведу Н. Ф. Бельчикову удалось выяснить, что пьеса написана А. П. Чеховым в начале 80-х годов. При жизни автора драму раскритиковали в Малом театре, где Чехов мечтал увидеть ее в бенефис Ермоловой. И самолюбивый автор вычеркнул из своей памяти самое воспоминание о труде многих дней и ночей...

Однако удивительное в истории пьесы на этом не кончилось.

Как только драма была включена в собрание сочинений Антона Павловича Чехова, пьесу переводят и

СКАЗКИ МЕЛЬПОМЕНЫ

ШЕСТЬ РАССКАЗОВ

А. ЧЕХОМ ТЕ.

*Другу и приятелю Марии Павловны
на Тихом от соборных свеч
Франц аббата Тихом*

МОСКВА.
Типограф А. Леонтьев. Издатель, Раздолье, пер. Соборный.
1884.

Дарственная надпись Чехова на сборнике «Сказки Мельпомены», 1884 год: «Другу и приятелю Марии Павловны Чеховой от собственного ее брата автора Чехомте (1884)».

Центральный государственный архив литературы и искусства СССР, Москва.

Князь Александру Ивановичу Сумбатову в знак дружеского расположения от автора, который преуспел и мудро сочетать сумел ум пламенный с душою мирной и лиру с трубною клистирной...

СКУЧНАЯ ИСТОРИЯ

Дарственная надпись Чехова на повести «Скудная история» (оттиск из журнала «Северный вестник», 1889, № 11): «Князь Александру Ивановичу Сумбатову в знак дружеского расположения от автора, который преуспел и мудро сочетать сумел ум пламенный с душою мирной и лиру с трубною клистирной...»

Собрание И. С. Зильберштейна, Москва.

начинают готовить к постановке в Лондоне, Праге... Недавно в чехоском музее в Ялте побывала группа итальянских кинорежиссеров и театральных деятелей. Они рассказали, что эта пьеса, под названием «Платонов», в настоящее время одна из наиболее популярных русских пьес в Италии.

В 1956 году постановка Жана Вилара «Этот безумец Платонов» пользовалась шумным успехом в Париже.

На родине писателя пьеса появилась сначала на псковской сцене, затем в Алма-Ате; в 1958 году «Платонов» в постановке режиссера Сулимова порадовал москвичей во время десятилетия казахского искусства в Москве.

А сейчас спектакль «Платонов» готовят вахтанговцы. В главных ролях заняты ведущие артисты театра: Н. Гриченко, А. Л. Абрикосов, Г. А. Абрикосов, Г. Пашкова. Коллектив театра имени Евг. Вахтангова посвящает новую постановку столетию со дня рождения Антона Павловича Чехова.

Л. ОСИПОВА.